

NADIĀ GEORGIIŪVNA KOLOŠUK
[(НАДІЯ ГЕОРГІЇВНА КОЛОШУК),
NADEŽDA GEORGIEVNA KOLOŠUK,
(НАДЕЖДА ГЕОРГИЕВНА КОЛОШУК),
NADIYA GEORGIIŪVNA KOLOSHUK] (Luck [Lutsk], Ukraine)
E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

Вера и сомнения в лирике о. М. Сармы-Соколовского

В тысячелетней истории украинской культуры традиция религиозной поэзии не прерывалась, – это доказывают многие авторитетные исследователи, среди которых Н. Костомаров, И. Франко, В. Перетц, М. Грушевский, М. Возняк, В. Щурат, В. Янив, Д. Чижевский, Л. Махновец, Д. Наливайко, В. Яременко, Б. Крыса, И. Качуровский, В. Антофийчук, Т. Сальга et al. Даже тогда, когда религия была объявлена “опиумом для народа”, религиозные темы, сюжеты, символика, аллюзии из литературы не исчезли – Тарас Сальга в собранной им антологии “Слово Благовеста”¹ показал, что они очевидны у многих советских поэтов Украины, не говоря уж об эмигрантах и андеграунде. Последних, однако, в антологии представляют только самые известные из диссидентов-шестидесятников.

Андеграундная украинская поэзия – более мощное течение советского периода, чем доньше представляется нашим историкам литературы; она создавалась и теми, кто находился в рядах национально-освободительного движения (с недавних пор о них уже появились исследования), и теми, кто был репрессирован в годы советской власти и чудом выживал в лагерях – большинство из них пришли к читателю с опозданием и до сих пор мало известны. Необходимо заполнить эти отсутствующие страницы, изучая творчество поэтов, в своё время исключённых из литературного процесса. Об одном из таких – практически не знакомом украинским читателям и даже исследователям писателе, лагернике ГУЛАГа Мыколе Сарме-Соколовском – и пойдёт речь.

¹ Салига Т.Ю., *Молимось, Боже єдиний...* [в:] *Слово благовісту: Антологія української релігійної поезії*, Т. Ю. Салига (ред.), Світ, Львів 1999, с. 6-40.

Украинская религиозность, по мнению Н. Костомарова, В. Янива, Т. Салыги et al., имеет выразительный национальный характер, идущий из глубин этнической – по преимуществу крестьянской – культуры:

“Именно присущий крестьянству консерватизм крепко удерживал религиозные основания”².

При этом исследователи различают церковную поэзию и религиозную, которые, по определению И. Франко, суть разными:

“Поэзия церковная не то же самое, что поэзия религиозная. Поскольку почти всякая поэзия первоначально была религиозной, то есть вознесением духа вне пределы обычных, обыденных интересов, за которыми для первобытного человека непосредственно начинались владения божества... [...] Поэзия церковная – это творение искусственное, опирающееся на долговечную традицию, плод организации отдельной касты жрецов, монахов, священников, приспособленный к цели систематизированного уже и специализированного богослужения, которого не знают первоначальные религии”³.

Итак, речь идёт не о церковной – о религиозной в широком понимании слова поэзии, хотя Николай Александрович Соколовский (1910-2001) и был некоторое время священником УАПЦ (Украинской Автокефальной Православной Церкви).

Богоискательская философская струя исключительно важна в его поэтическом творчестве и выявлена своеобразно. Видимо, она обусловлена не его священничеством (в долгой жизни Соколовского это были краткие периоды: 1943-1945, 1991-1995?⁴), а мировоззрением в целом. Прежде всего, это проявление универсальной, общечеловеческой черты, присущей гениям украинской поэтической традиции. О мировоззрении Григория Сковороды, например, Д. Чижевский писал:

“Мир, природа для Сковороды – в Боге. Также и бытие человека – в Боге. Всё наше познание является, по существу, Богопознанием”⁵.

² Id., с. 8.

³ Иван Франко, *Духовна й церковна поезія на Сході й на Заході* [в:] Франко І., Зібрання творів: в 50 т., Т. 39. Київ 1983, с. 127.

⁴ Точную хронологию в биографии М. Соколовского ещё предстоит установить. Vide: Микола Мірошніченко, *При світлі страсного ліхтаря – слово про М. Сарму-Соколовського* [в:] Микола Сарма-Соколовський, *Коріння пам'яті. Поезії*, Київ 1997, с. 5-12; Василь Овсієнко, *Микола Сарма-Соколовський (30.04.2008)* [в:] Віртуальний музей “Дисидентський рух в Україні”, <http://archive.khpg.org/index.php?id=1209543453> [доступ: 22.07.2015]; Вадим Рижков, *Доля, що вмістила “всі болі ХХ століття”*, “День”, Київ, 2012, № 3 (13-14 січня), с. 10.

⁵ Дмитро Чижевський, *Нариси з історії філософії на Україні. Філософія Григорія Сковороди*, Київ 2005, с. 56.

Нечто подобное можно сказать о М. Сарме-Соколовском, поскольку обращение к Богу определяет содержание важнейших его поэтических сборников “Корни памяти” (1997) и “Серебряное перо соколиного полёта” (2009) – подцензурный сборник “На осонье лета” (1980) нужно рассматривать отдельно. Да и к кому ещё было обращаться старому человеку, живущему в захолустье, пережившему многих друзей, вынужденно ограниченному в общении с живыми, недооценённому и непонятому даже близкими:

„Давно не тчуться мрії голубі...–

в кімнаті наче в смертній самотності.
Не розстріляли в сорок восьмим році –
я вдячний, Боже, лиш Тобі!..
[...]

(1.10.1990) [с. 85]⁶

Для большинства людей из своего окружения он был в лучшем случае старым чудачком:

“[...] Не раз дружина доріка / що не такий як інші // Картала і сьогодні / бо майже не чита / мої / самотні / і сумотні / вірші” (“Шукаю як шукав”, 2.11.1997)⁷.

Чтобы понимать эти стихи, нужно учитывать, что образ Божьего мира перед глазами поэта навсегда был омрачён мыслями о прошлом, о преступлениях коммунистического режима, уничтожавшего его соотечествен-

⁶ “Давно не тчуться мечты голубые...– / в комнате словно в смертной одиночке. / Не расстреляли в сорок восьмом году – / я благодарен, Боже, лишь Тебе!..[...]” (“Давно не тчуться мечты голубые...–”). Подстрочный перевод стихов сделан нами по тексту двух сборников: Микола Сарма-Соколовський. *Коріння пам'яті. Поезії*, Київ 1997; Микола Сарма-Соколовський, *Срібне перо соколиного лету: поезії*, Київ – Херсон 2009 [в:] Просвіта Херсонщини <http://prosvilib.ipsys.net/books/sarma/pero/pero.htm> [доступ: 28.07.2015]. Ссылки на текст сборника “Корни памяти” даны в квадратных скобках с указанием страницы; цитаты из второго сборника (электронный вариант) даны без указаний страниц. В круглых скобках указаны оригинальные названия стихотворений (в случае выделения полужирным шрифтом они совпадают с первой строкой, как в авторском варианте) и их перевод с украинского. Сохраняем все особенности авторского правописания и пунктуации, а также авторскую датировку (где она есть).

⁷ “[...] Не раз жена упрекает / что не таков / как другие // Корила и сегодня / поскольку почти не читает / мои / одинокие / и сиротливые / стихи” (“Ищу как искал”). В оригинале две предпоследние строки – непереводаемая игра слов: “самотні” означает “одинокие, сиротливые, уединённые”, а “сумотні” – окказиональный неологизм-прилагательное от слова “сум” – “труссть”.

ников и отбравшего память о них – у потомков. Он благословлял каждое мгновение своей земной жизни:

“Живу в якомусь дивному пробудженні – / вікном високим до тополь... [...] ...що завше дивиться / у Божу вись”

(“Моє вікно”, 22.02.1995) [с. 57]⁸.

При этом не мог забыть миллионы жертв:

“[...] *Постійно згадую / в Інті замучених, / в Мордовії мордованих, / в Катині закатованих... / Їх – тьмуца тьма! / О, ті дроти колючії, / як плетиво гадючес, / що душу тне, / дійма!* [...]”

(“Моє вікно”) [с. 57]⁹.

Религиозность М. Сармы-Соколовского – это прежде всего проявление народной культурной традиции, впитанной с детства в священнической семье, которую в советские времена настигли неминуемые репрессии. Испытания начались ещё в отроческом возрасте: в 1923 году умер его отец-священник, который был причастен к возрождению УАПЦ, заявившей о своей самостоятельности в годы национально-освободительной борьбы (1917-1921) и впоследствии искореняемой на землях советской Украины с особой жестокостью. Судьба М. Соколовского была определена его социальным и национальным происхождением, хотя он, как и его ровесники-соотечественники, задумался об этом долгое время спустя. И не уставал благодарить Творца за то, что выжил в страшное время, сохранив живую душу, вложенную в народное самосознание поэтом-пророком (примечательно, что рядом с Т. Шевченко упомянут и Г. Сковорода, путь которого – свободного странствующего философа – лирический герой считает для себя невозможным):

“[...] Я і колись: / стежиною Сковороди / у мандри не пішов / шукати райські кущі та сади – / ще юнаком / у ‘Кобзарі’ Шевченковім знайшов / свою дорогу. / І досі нею йду, / допоки не впаду. / Всього було на ній, / але ніколи я не нарікав на Бога. [...]”

(“Одкровення”, 1.06.1990) [с. 87]¹⁰.

⁸ “Живу в каком-то удивительном пробуждении – / окном высоким к тополям... [...] ...которое всегда смотрит / в Божью вись” (“Моё окно”).

⁹ “[...] Постоянно вспоминаю / в Инте замученных, / в Мордовии истязаемых, / в Катини казнённых... / Их – тьмуцая тьма! / О, та колючая проволока, / как плетёнка гадючья, / которая рассекает душу, / донимает [достаёт до неё]!...[...]” (“Моё окно”).

Таким образом, с религиозным чувством была неразрывно связана национально-культурная идентичность, которая и стала стержнем нестигаемой бунтарской личности поэта.

О сущности народной религиозности украинцев, весьма далёкой от почитания официозной церкви (Московского патриархата), писал в своих “Воспоминаниях” философ-диссидент Василий Лисовый, представитель шестидесятнического поколения борцов за независимость Украины – его судьба во многом сродни судьбе М. Соколовского:

“...хотел бы при случае отметить одну особенность религиозной веры у селян, которую я замечал у своих земляков, в частности у матери. Думаю, она была присуща всей центральной Украине. Имею в виду сугубо обрядовое, эстетическое отношение к церкви и одновременно отчуждённое отношение к священникам. [...] Имею в виду уничтожение Киевского патриархата и превращение русской церкви в орудие русского государства. [...] Как можно было уважать церковь, превращённую в послушное средство российской государственной политики?.. [...] Наверное, неоспоримо то, что религиозность может быть укоренена в душе народа только путём переключки или синтеза с культурной традицией. Ведь христианские символы и ритуалы только тогда способны найти отклик в душе, если затрагивают наиглубиннейшие пласты народной этнопсихики вопреки сложности этой проблемы во всей её полноте. Для обозначения этой переключки я использую выражение ‘народное христианство’”¹¹.

Лирика М. Сармы-Соколовского в главных чертах соответствует такому пониманию “народного христианства”, её трудно назвать религиозной в обычном значении этого слова: своим содержанием она выходит за рамки религиозной проблематики, в ней нет многих традиционных религиозных мотивов и жанров, мало соответствующей лексики. Даже имя Христа упоминается изредка, а имя Богородицы и вовсе отсутствует – зато с огромным пиететом поэт обращается к своей матери. Авторское мировоззрение далеко от ортодоксального догматизма, а вместо смирения – ирония по поводу собственной греховности и неготовности к потусторонней жизни. Поэт перифразирует евангельскую реминисценцию:

“[...] утративши в неволі / Божу благодать, / не змігши Богові воздать / належне, / і без вагань грішив: / коли мене хто бив / у праву щоку, / я вмить, з наскоку / в ліву бив, / віддаючи

¹⁰ “[...] Я и когда-то: / тропинкою Сквороды / в странствия не ушёл / искать райские кущи и сады – / ещё юношей / в ‘Кобзаре’ Шевченковом нашёл / свою дорогу. / И до сих пор по ней иду, / пока не упаду. / Всякое было на ней, / но никогда я не роптал на Бога. [...]” (“Откровение”).

¹¹ Лисовий В., *Спогади. Поезії*, Смолоскип, Київ 2014, с. 66, 69.

мерзотникові борг,— / не знаю, як на це дивився Бог... [...]” (“Одкровення”)¹² [с. 87-88]. Некоторые размышления для ортодоксов звучат как богохульство: “[...] Я не певен що трапило до раю / отожд будь ласка / в труну / не забудьте покласти / мою гранату”

(“Цільно”, 23.12.1996)¹³.

С точки зрения православия, греховны мотивы, связанные с самоубийством (они участвовали в последние годы, когда автору особенно допекали болезни), сомнения в загробном мире:

“Ой людоньки, / кажу вам правду – не базікаю: / втомився жити калікою, / прошу вкотре у друзів мотузки...[...]” (“Мотузка”, 1998, октябрь)¹⁴; “Живу ціною мук кромішніх / як той великий грішник / що геть у муках занеміг / А Бог на мене і не гляне / аж поки / не переступлю поріг / високий / мотузаний”

(“Вривається терпіння”, 22.01.2000)¹⁵.

В одном из вариантов собственной эпитафии – поэт не единожды обращался к этому жанру, иронически обыгрывая его – сомнения уже сродни отказу от веры:

“Віра в Бога, / всім відомо, – / це віра в потойбічне життя; / але я так натомився в цьому, / що не хочу нічого – / лиш небуття”

(“Епітафія”, 10.12.1994)¹⁶ [с. 170].

Это сомнения скептика-агностика, которые, судя по датировке, посещали автора давно:

“Діалектику життя зрозумів, / а щодо Бога, – / скажу словами Шевченка: / і дурень, і мудрий нічого не знає”

(13.08.1982)¹⁷ [с. 176].

¹² “[...] ...утратив в неволе / Божью благодать, / не сумев Богу воздать / должное, / и без колебаний грешил: / когда меня кто-нибудь бил / в правую щеку, / я мигом, с наскока / в левую бил, отдавая мерзавцу долг, – / не знаю, как на это смотрел Бог... [...]” (“Откровение”).

¹³ “[...] Я не уверен что попаду в рай / стало быть пожалуйста / в гроб / не забудьте положить / мою гранату” (“Плютно”).

¹⁴ “Ой люди добрые, / говорю вам правду – не болгаю: / устал жить калеккой, / прошу в который раз у друзей верёвку...[...]” (“Верёвка”).

¹⁵ “Живу ценой мук кромешных / как тот большой грешник / который совсем в муках изнемог / А Бог на меня и не взглянет / пока не переступлю порог / высокий / верёвочный” (“Обрывается терпение”).

¹⁶ “Вера в Бога, / всем известно, – / это вера в потустороннюю жизнь; / но я так устал в этой, / что не хочу ничего – / лишь небытия” (“Эпитафия”).

Упорство сопротивления врагам, преданность памяти предков, родной культуре вопреки насаждаемому большевистским государством безбожью и беспамятству (официально – доктрина “пролетарского интернационализма”, а фактически – политика коварной русификации) помогало Соколовскому сохранить себя, но и обрекало на муки, ассоциируемые с Голгофой, с мученичеством Божьего Сына:

“**На цвинтарі захрещені могили** / пасе розіп’ятий Ісус Христос. [...]”¹⁸;

“[...] В душі паде інтинський сніг, / дротів колючих пнуться змії, / що – замість плоту. / Я знов іду в завії / на крижану Голготу. / А десь далеко Україна, Карпати і Дніпро – / скарби душі моєї, / Московю вкрадене добро. [...]”

(“Мелодія самоти”, 19.09.1991)¹⁹ [с. 83].

Примечательно, что символ Распятия ассоциирован не с судьбой лирического героя, а с состоянием современного общества, с упадком народа Украины:

“На стіні – розп’яття, / постать Ісуса велика. [...] А з-під повіки / Господнього ока / паде сльоза, / свята, глибока”

(“У трапезній”, 17.04.2000)²⁰.

В целом это маленькое стихотворение – сатирическая зарисовка-кариатура вырождения официозной церкви: под Распятием в трапезной показан насыщающийся “*владыка*”, который

“Великоднього агнеця тлить, / запиваючи червоним вином, / повнячи чару знов”²¹.

¹⁷ “Диалектику жизни понял, / а что касаемо Бога, – / скажу словами Шевченко: / и дурак, и мудрый ничего не знает”.

¹⁸ Авторская датировка стихотворения содержит точное указание места, что у Сармы бывает только в отдельных случаях: “1950 / Інта, 5-е табвідділення” [с. 132]; “На кладбище закрещенные [означенные крестами] могили / пасёт распятый Иисус Христос. [...]” (“Инта, 5-е лагодделение”).

¹⁹ “[...] В душе падёт интинский снег, / колючей проволоки тянутся змеи, / те, что – вместо плетня. / Я снова иду в замети / на ледяную Голгофу. / А где-то далеко Украина, / Карпаты и Днепр – / сокровища души моєї, / Москвой украденное добро. [...]” (“Мелодия одиночества”).

²⁰ “На стене – распятие, / фигура Иисуса большая. [...] Из-под века Господнего Глаза / падёт слеза, / святая, глубокая” (“В трапезной”).

²¹ “владыка... / Пасхального агнца пожирает, / запивая красным вином, / наполняя чашу вновь” (“В трапезной”).

Тема возникала в лирике М. Сармы не раз. Он презирал сфальсифицированную, поставленную на службу тоталитарному государству московскую церковь, возмущался её лицемерием и антинародной деятельностью. В новой Украине промосковские политики сумели расколоть церковь и отвернуть её от идеи независимости, что было для него одним из самых горьких разочарований последней жизненной декады:

“[...] Неначе в приймах живемо, / до незалежності в нас осторога. / Одну біду з релігії жнемо, / не маючи свого і досі Бога. / Попи змосковщені...[...] Святенники – / мов цьковані собаки: / не вирвать наших храмів / з їхніх рук. [...]”

(“Очима на Захід”, 29.11.1992)²² [с. 75].

Обличительный гражданский пафос по отношению к современности у Сармы-Соколовского имеет выразительные интертекстуальные связи с творчеством Т. Шевченко, как и его богоискательство.

Истинно христианскими являются глубинная вера в высший смысл Творения, в непреложность нравственных законов человечности. В этом М. Сарма всегда оставался истово верующим. В его лирике преобладает исповедальный настрой, хотя и вне канонических жанровых форм религиозной поэзии – псалмов, гимнов, религиозных посвящений и покаяний. Он соединяет в единую жанровую структуру укоренившиеся в украинской поэзии патриотические и молитвенные мотивы, поскольку молитвой обращается к Богу “за Україну” и её защитников. В данном примере – стихотворным слогом и стилем народных дум:

„Господи Ісусе Христе, Сине Божий,
Ти для всіх людей Свою ласку множиш,
і Твої щедроти безмежні!
Ти й Україні подарував Незалежність.
А нам, бідним невольникам, –
жадану волю.
Подаруй ще Україні щасливу долю!
[...]”

(“Молитва за Україну”, 1994)²³ [с. 59]

²² “[...] Будто прийьмиши живем, / к независимости в нас страх. / Только беду пожинаем от религии, / не имея своего и доньне Бога. / Попы московские... [...] Святоши – / будто натравленные собаки: / не вырвать наших храмов / из их рук. [...]” (“Т глазами на Запад”).

²³ “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, / Ты для всех людей Свою ласку умножаешь, / и Твои щедроты безграничны! / Ты и Украине подарил Независимость. / А нам, бедным

В авторском представлении “*образ святой*” всегда был воплощён только в родном “*Краю*” (“*Сніговій*”, 1950, Инта) [с. 34-35], и только о нём звучали молитвы неутомонного “националиста”:

“[...] ...нічого іншого я не прошу у Бога, / крім волі, / одної волі / моїй сердешній Україні”

(“Молитва до зірниці”, 1952, Инта)²⁴ [с. 41].

При этом М. Сарма даже в труднейших испытаниях оставался христианином, признавая равенство и “братолубие” “*в сім ї вольній, новій*” (Т. Шевченко) единственным нравственным законом в общечеловеческой жизни – этот концепт украинской поэзии содержит идею избавления человечества от грехов братоубийства и угнетения, как и идею национального освобождения.

Ставя в одном ряду понятия “*воля Украины*”, за которую необходимо бороться, – и исполнение Господней воли, М. Сарма ссылаясь и на Евангелие, откуда был взят эпитафия к стихотворению-парафразу с евангельским сюжетом (отсылающим к картине Ивана Крамского “*Христос в пустыне*”, 1872²⁵):

“[...] Син молиться небесному Отцеві, / щоб рід людський в гріхах не згинув, / а значить – молиться за Україну / сердешну нашу. [...]”

(“У пустелі”, 1.04.1992)²⁶ [с. 166].

К этой формуле восходит вся поэтическая историософия в лирике М. Сармы, начиная с первых патриотических стихотворений, написанных в камере смертников и в Интинском лагере, и заканчивая поздними стихами-молитвами:

“[...] О Боже милий, / чому це так: / коли над світом крило – / я завше бачу / барвистий український килим / увесь побитий / чужою і своєю міллю?!” (“Може, справді я дивак?”, 22.07.1994)²⁷ [с. 99].

невольникам, – / желанную волю. / Подари ещё Украине счастливую долю! [...]” (“Молитва за Украину”).

²⁴ “Образ святой... в родном Краю” (“Вьюга”); “[...]...ничего другого я не прошу у Бога, / кроме воли, / одной лишь воли / моей бедной Украине” (“Молитва к зарнице”).

²⁵ Живописные реминисценции – не редкость в стихах М. Сармы-Соколовского. Видимо, это связано с его художническим образованием, которое, несмотря на все преграды, он сумел получить в юности.

²⁶ “[...] Сын молился небесному Отцу, / чтобы род людской в грехах не погиб, / а значит – молился за Украину / бедную нашу. [...]” (“В пустыне”).

В молодости он осознавал себя и своих единомышленников несправедливо гонимыми, но непримиримыми к врагам, их жертва была оправдана, как и страдания Христа:

“[...] О мій Народє, / я – це Ти: / своїм терпінням освяти / мою малесеньку Голготу”

(“Коріння пам’яті”)²⁸ [с. 4].

Но в старости ему всё хуже было сталкиваться с враждебностью или равнодушием соотечественников – и это ещё одна проникновенная тема многих стихотворений интимного характера: “Мені усе болить” (1977), “Моїм друзям вуличним ліхтарям” (1993), “Сную думки,” (1994), “Мої вірші” (1995), “Мов кінь старий,” (1995), “Моя доля не дуже ніжна,” (1997)²⁹ etc. К молитвенным обращениям в них примешивались полемические ноты: в жизни автора было столько обвинений, что и на “воле” он вынужден был до конца своих дней оправдываться. Если в годы всевластия коммунистической идеологии его обвиняли по стандартной формуле за “украинский буржуазный национализм” (от этой “вины” он и не отрекался: “я ворогом видівся державним псам – / тому був вигнаний з мого Храму” – “Будуючи правди омріяний Храм,” 9.12.1997³⁰), то во времена, когда Советский Союз оказался на грани развала, обвинения звучали казуистически. Нюансы сложной полемики, касающейся судеб и оценок украинского национально-освободительного движения (на его участников бывшие палачи и их преемники до сих пор перекалывают ответственность за кровавые жертвы коммунистического режима), отразились в кратком полемическом стихотворении, накануне обретения Украиной независимости - звучащем как символ веры:

„Мені дорікають,
що атеїстична моя дорога,
що все святе на ній гине...
Брехня! Я вірю в Бога!

²⁷ “[...] О Боже [мой] милый, / почему это так: / когда над миром крыло [летаю] – / я всегда вижу / красочный украинский ковёр / весь побитый / чужой и своей молью?!” (“Может, действительно я чужак?”).

²⁸ “О мой Народ, / я – это Ты: / своим терпением освяти / мою малосенькую Голгофу” (“Корни памяти”).

²⁹ “У меня всё болит”, “Моим друзьям уличным фонарям”, “Сную мысли”, “Мои стихи”, “Будто конь старый”, “Моя судьба не очень нежна”.

³⁰ “я врагом виделся державным псам – / потому был изгнан из моего Храма” (“Строя правды взлелеянный в мечтах Храм”).

І в мені не гасне його ватра!..
Але одне “Господи, помилуй”
без України
нічого не варте!”

(“Моя віра”, 18.12.1987)³¹ [с. 176; виділено автором]

Парадокс в том, что сомнения в истинности собственной веры были присущи поэту до конца его дней, но постоянно шли рука об руку с упорством и твёрдостью в её отстаивании, поскольку его гонители никакой вины за собой не ощущали, никакого наказания не понесли, и единственной “инстанцией”, куда можно было обращаться за справедливостью, оставалась всё та же:

“[...]...чую голос Бога / і відповім за всі мої діла: / якщо причетний був до зла – / нехай осудить мене строго. / В покорі відданий, безмежний / сприйму Господній Вирок як належний / (нікому ж Божої не спростувати суті). / Проте наважуся у Бога поспитати: / – Чого народ мій / і досі на розпугті?..”

(“Не знаю, чого”, 29.09.1998)³².

Вынужденные упреки Всевышнему в лирике звучали не из-за личной распри с ним, а из-за глобальной исторической несправедливости, которую поэт воспринимал как злой рок своего народа. Ведь с обретением формальной независимости в 1991 году Украина не перестала быть совковой провинцией, правители которой при всенародном равнодушии, закоснелости и попустительстве продолжали холуйски служить бывшим хозяевам из Москвы, за что закономерно обозначены именем Иуды:

“Нема України, / по ній / одна лиш назва...[...] Продали Україну іуди, / що аж до Москви – плазом. / Мовляв, так і буде!..[...]” (4.03.1994)³³ [с. 74]. Потому узнаваема через реминисценцию из Т. Шевченко (“...що Україну злії люде / присплять, лукаві, і в огні / її, окрадену, збудять”) бунтарская непримиримость в пророчестве Сармы: “[...]...лише в борні себе здобуде / окрадений Народ”

³¹ “Меня упрекают [в том], / что атеистическая моя дорога, / что всё святое на ней гибнет... / Ложь! Я верю в Бога! / И во мне не гаснет его огонь!.. / Но одно только ‘Господи, помилуй’ / без Украины / ничего не стоит!” (“Моя вера”).

³² “[...]...слышу голос Бога / и отвечу за все мои дела: / если причастен был ко злу – / пусть осудит меня строго. / В смирении преданном, безграничном / приму Господний Приговор как должно / (никому ведь не опровергнуть Божьей сути). / Но решусь у Бога спросить:/ – Почему Народ мой / и до сих пор на распуге?..” (“Не знаю, почему”).

³³ “Нет Украины, / после неё / одно лишь название...[...] Продали Украину иуды, / которые аж в Москву – ползком. / Говорят, так и будет!.. [...]” (“Нет Украины,”).

("Нема України,")³⁴ [с. 74].

Как и многие диссиденты-патриоты, М. Сарма-Соколовский не мог не видеть не-подлинности, фейковости постсоветской Украины – слишком велико было отличие выстраданного идеала независимости, кровавой цены за неё, заплаченной друзьями его боевой молодости, от реальной обыденности его последних одиноких лет:

"Хочу степу, якого / давно нема, / хочу Дніпра, якого / давно нема, / хочу України, якої / давно нема. [...] Від України – тільки назва. [...]"

("Хочу", 20.06.1995)³⁵ [с. 52].

В его восприятии участники национально-освободительного движения, вопреки официальной риторике и политической конъюнктуре, всегда оставались "мучениками" и "святыми" – начиная с написанного в 1952 году в Инте цикла "Волосожар карпатських сонетів, що зазорів крізь Півночі пургу"³⁶, с эпиграфом из Т. Шевченко "Борітеся – поборете!" [с. 19-23]. С их обобщённым образом связана евангельская аллюзия – упоминание чаши (Христовых мук):

"[...]...лежать замучені в чужому краї, / лежать, нетлінні, в мерзлоті, / воістину святі – великомученики наші, / що напилися мук із крижаної чаші!./ Між ними й друзі мої – ті, / хто не поліг тоді в Карпатах / чи десь у лісі у бою / за Україну, матінку свою...[...]"

("Інтинське видиво", 1992)³⁷ [с. 44].

Во имя их памяти он всячески убеждал себя в том, что надежда на возрождение не тщетна – это главная идея в стихотворениях "У сяйві осіннього клена" (1993), "На схилку" (1993), "Розпалася імперія, мов тульський пряник," (1994), "Прапор" (1994)³⁸ etc. Прошлое и будущее *своей* Украины М. Сарма видел через оригинальную символику – Вифлеемская звезда, "обозначенные Божьим перстом" песочные часы etc.:

³⁴ "...что Украину злые люди / усыпят, лукавые, и в огне / её, обокраденную, разбудят" (Т. Шевченко); "[...]...лишь в борьбе себя обретёт / обокраденный Народ" ("Нет Украины,").

³⁵ "Хочу степи, которой / давно нет, / хочу Днепра, которого / давно нет, / хочу Украины, которой / давно нет. [...] От Украины – только название. [...]" ("Хочу").

³⁶ "Стожары карпатских сонетов, которые засияли сквозь Севера пургу".

³⁷ "[...]...лежат замученные в чужом краю, / лежат, нетленные, в мерзлоте, / воистину святые – великомученики наши, которые испили мук из ледяной чаши!./ Между ними и друзья мои – те, / кто не погиб в Карпатах / или где-нибудь в лесу в бою / за Украину, матушку свою...[...]" ("Інтинське видиво").

³⁸ "В сиянии последнего клёна", "На склоне", "Распалась империя,", "Знамя".

“[...] Чого ж такий байдужий Абсолют /– ні, не до мене! – до моєї України?! / Однак молитву я творю, / прозорість уявляючи богемську: / всім серцем вірю у Зорю / пречисту, Віфлеємську” (“Я вірив в чистоту небес;”, 4.03.1994)³⁹ [с. 90]; “[...] Навіть в той отвір закланий, притертий – / просипались / рік Тридцять третій / із повинню Лети / і Друга світова, / де падали голови / в червоне поливо / світової круговерті... [...]”

“У горлі пісового годинника”, 27.01.1995)⁴⁰ [с. 92].

Символически воспринимались им и детали обыденной жизни, связанные с народной культурой: вышитый мамой рушник, переданный сыну в тюремную камеру (“Рушник”, 1977), ежедневно необходимая молитва (“Очима подиву на світ дивлюся;”⁴¹, 1990), пасхальная “писанка” (расписное яичко):

“[...] Україна пісенно-розмовна, / як опера Лисенка, / чаром-змістом повна: / великодня писанка, / самим Богом писана. [...]”

“Україна – дивовижний світ;”, 5.02.1993)⁴² [с. 99].

Его личные претензии и пожелания к Богу были аскетически скромны: молился за погибших, просил светлой памяти и ясного ума до конца дней, благодарил за долгий век –

“дотації Господні”

[с. 91],

хотя с течением лет осознавал их как испытание непосильным грузом болезней, одиночества, горьких воспоминаний и несбывшихся надежд:

“[...] Не знаю, чим Богів вгодив – /ще живу й сьогодні. [...] Нічого в Тебе не прошу я нині...[...] ...лише даруй свободу Україні. / Мені ж до самого останку – / ясної мислі, / мислі”

“Те, що мені належало;”, 6.08.1995)⁴³ [с. 91];

³⁹ “[...] Почему же так равнодушен Абсолют / – нет, не ко мне! – к моей Украине?! / Однако молитву я творю, / прозрачность воображая богемскую: / всем сердцем верю в Звезду / пречистую, Вифлеемскую” (“Я верил в чистоту небес;”).

⁴⁰ “[...] Даже в то отверстие жадное, притёртое – / просыпались / год Тридцать третий / с половицей Леты / и Вторая мировая, / где падали головы / в красную поливу [глазурь] / мировой круговерти... [...]” (“В горле песочных часов”).

⁴¹ “Тлазами удивлення на мир смотрю;”.

⁴² “[...] Украина песенно-разговорная, / как опера Лысенко, / волшебством-смыслом полна: / пасхальная писанка, / самим Богом писана. [...]” (“Украина – невиданный мир;”).

“[...] Дай, Боже, власними ногами – / до ями”

(“Хитаючись”, 15.11.1990)⁴⁴ [с. 230].

Тем значительнее был счёт экзистенциального толка, поскольку агностические сомнения не могли быть до конца преодолены:

“[...] Який абсурд, / якщо немає Бога!”

(“Розмова із серцем”, 1.09.1987)⁴⁵ [с. 214].

Поэт до конца не расставался со своей бунтарской строптивостью и воинственной непримиримостью:

“[...] Хоч буду вже підвладний Леті – однак помщусь / за Соловки, рік Тридцять третій, / за кров Базару, / Крут!”

(“Олегові Ольжичеві у сяйві його вогнелезого безсмертя”, 9.10.1995)⁴⁶
[с. 55; разрядка авторская].

Религиозность М. Сармы далека от ортодоксальности: не скована официальными догмами, а “живая, стихийная, как сама жизнь”, – о такой религиозности у украинского классика писал в 1934 году Степан Смаль-Стоцкий⁴⁷. Она неотделима от веры в высший разум и непреложность морально-этических ценностей, от понятий греха и покаяния, смирения и стойкости, любви и милосердия. Важнейшая черта молитвенных обращений диссидента-священника – их патриотическая направленность. Он презирал сфальсифицированную, поставленную на службу тоталитарному государству московскую церковь, возмущался её лицемерием и холуйством. Религиозная тематика и символика сплавляет воедино гражданскую и философскую струю в его лирике, порождает неповторимое звучание бескомпромиссного и смелого авторского голоса, оригинальные образы, тесно связанные с архетипами христианской и национальной культуры.

⁴³ “[...] Не знаю, чем Богу угодил – / ещё живу и сегодня. [...] Ничего у Тебя не прошу я ныне... [...]...лишь даруй свободу Украине. / Мне же до самого конца – / ясной мысли, / мысли” (“То, что мне принадлежало,”).

⁴⁴ “[...] Дай, Боже, собственными ногами – / к яме” (“Качаясь”).

⁴⁵ “[...] Какой абсурд, / если нет Бога!” (“Разговор с сердцем”).

⁴⁶ “[...] Хотя буду уже во всевластии Леты – / всё же отомщу / за Соловки, год Тридцать третий, / за кровь Базара, / Крут!” (“Олегу Ольжичу в сиянии его огнеострого бессмертия”).

⁴⁷ Vide: Степан Смаль-Стоцкий, *Тарас Шевченко. Інтерпретації*, Черкаси 2003, с. 273.

Поэтическое наследие поэта-лагерника, своими размышлениями опережавшего время и соотечественников, звучит актуально, современно и заслуживает дальнейшего углублённого изучения.

Аннотация / Abstract (Summary) in Russian:

Цель исследования – анализ образно-тематического содержания лирики М. Сармы-Соколовского через спектр религиозных мотивов, символики, аллюзий и реминисценций. Используются историко-литературный и проблемно-тематический подходы к прочтению материала. **Актуальность** обусловлена значительной общественной и культурно-эстетической ценностью творчества поэта. **Новизна** исследования в том, что наследие поэта-диссидента впервые рассмотрено в литературно-исторической перспективе, проанализированы главные тематически-образные мотивы и идейные аспекты, важнейшие черты поэтики.

Главные выводы. Религиозность М. Сармы далека от ортодоксальности: не скована официальными догмами, выражает сомнения и личностные приоритеты. С религиозным чувством неразрывно связана национально-культурная идентичность, которая и стала стержнем негибимой бунтарской личности поэта. Его творчество исходит из национальной культурной традиции, сформированной литературной классикой – наследием Т. Шевченко, Г. Сковороды. Эта традиция неотделима от веры в высший разум и непреложность морально-этических ценностей, от понятия греха и покаяния, смирения и стойкости, любви и милосердия. Религиозная тематика и символика сплавляют воедино гражданскую и философскую струю в лирике Сармы-Соколовского, порождают неповторимое звучание бескомпромиссного и смелого авторского голоса, оригинальные образы, тесно связанные с архетипами христианской и национальной культуры. Важнейшая черта молитвенных обращений диссидента-священника – их патриотическая направленность. С точки зрения православия, в этой лирике есть и греховные мотивы, связанные с самоубийством, и сомнения в загробном мире. Это сомнения скептика-агностика. Поэтическое наследие поэта-лагерника заслуживает дальнейшего углублённого изучения.

Ключевые слова / Key words in Russian:

лирика М. Сармы-Соколовского, сборник “Корни памяти”, сборник “Серебряное перо соколиного полёта”, образно-тематические мотивы, религиозная поэзия, вера, молитва.

Title in English:

Faith and doubt in M. Sarma-Sokolovskiy's lyric poetry

Abstract (Summary) in English:

The purpose of the article is an analysis of the contents of M. Sarma-Sokolovskiy's lyric poetry through the spectrum of religious motifs, symbols, allusions and reminiscences. For the examination of the poetic material, historical and literary methods, as well as theme-and-problem approach have been used. The significance of this lyrical poetry is related to the great social, cultural and esthetic values of the poet's texts. The novelty of the present study consists in the fact that the work of the poet-

dissident has been considered for the first time from a literary and historical perspective, with special attention paid to themes and images, as well as to ideological aspects revealed in the texts.

Main conclusions. M. Sarma-Sokolovskiy's religiousness is distant from orthodoxy: being not constrained by official dogmas, it expresses doubts and personal priorities. Religious feelings are inseparably connected with the national and cultural identity of the poet which provided the basis for his unyielding and rebellious personality. His work is rooted in the national cultural tradition, created by the literary classics – the legacy of T. Shevchenko and G. Skorovoda. This tradition is linked with the belief in highest Reason, immutability of moral values, the concept of sin and confession, humility and determination, love and mercy. Religious themes and symbols are fused together with civil and philosophical motifs in M. Sarma-Sokolovskiy's texts, creating a strong and courageous sound of the author's voice and the images related to the archetypes of Christian and national culture. The characteristic feature of the dissident-priest's prayerful appeals is their patriotic orientation. From the point of view of religious orthodoxy, there are sinful motifs in this lyric poetry, related to suicide and to doubts in the existence of the world after death. These are the doubts of a skeptic and an agnostic. There is no doubt that the work of the prisoner-poet deserves further and more profound study.

Key words in English:

M. Sarma-Sokolovskiy's lyric poetry, poetic collection "Roots of memory", poetry collection "Silver feather of falcon flight", imaginal and thematic motifs, religious poetry, faith, prayer.

Tytuł po polsku / Title in Polish:

Wiara i wątpliwości w liryce M. Sarmy-Sokołowskiego

Abstrakt (Streszczenie) po polsku / Abstract (Summary) in Polish:

Celem badań jest analiza obrazowo-tematycznej zawartości liryki M. Sarmy-Sokołowskiego w całościowym spektrum religijnych motywów, symboli, aluzji i reminiscencji. Zastosowano historycznoliterackie i problemowo-tematyczne ujęcia w odczytaniu materiału tekstowego. Znaczenie tej liryki wynika z wielkiej, społecznej i kulturowo-estetycznej wartości twórczości poety. Nowość badania polega na tym, że spuściznę poety-dysydenta po raz pierwszy ujęto w historyczno-literackiej perspektywie, zanalizowano główne, tematyczno-obrazowe motywy i aspekty ideowe, najważniejsze cechy poetyki.

Główne wnioski. Religijność M. Sarmy-Sokołowskiego jest daleka od ortodoksji: nieograniczona oficjalnymi dogmatami, wyraża wątpliwości i osobiste priorytety. Z uczuciem religijnym jest nierozzerwalnie związana tożsamość narodowo-kulturowa, która stała się podstawą nieugiętej, zbuntowanej osobowości poety. Jego twórczość pochodzi z narodowej tradycji kulturowej, tworzonej przez klaszkę literacką – dziedzictwo T. Szewczenki, H. Skoworody. Tradycja ta jest nieodłączna od wiary w wyższy Umysł i niezmienną moralno-etyczną wartość, od pojęcia grzechu i pokuty, pokory i wytrwałości, miłości i miłosierdzia. Tematy religijne i symbolika są zrosnięte w jedno ze strumieniem obywatelskim i filozoficznym w tekstach Sarmy-Sokołowskiego, tworząc niepowtarzalne brzmienie bezkompromisowego i odważnego głosu autora, oryginalne obrazy, które są ściśle związane z archetypami kultury chrześcijańskiej i narodowej. Najważniejszą cechą modlitewnych odwołań księdza-dysydenta jest ich patriotyczne ukierunkowanie. Z punktu widzenia prawosławia, w tych tekstach są grzeszne motywy związane z samobójstwem, i wątpliwości dotyczące zaświatów. To są wątpliwo-

ści sceptyka i agnostyka. Poetycka spuścizna poety-łagiemnika (poety-więźnia) zasługuje na dalsze, pogłębione studia.

Słowa kluczowe po polsku / Key words in Polish:

liryka M. Sarmy-Sokołowskiego, zbiór „Korzenie pamięci”, zbiór „Srebrne pióro lotu sokoła”, obrazowo-tematyczne motywy, poezja religijna, wiara, modlitwa.

Литература / Bibliography in the Cyrillic Alphabet:

Primary bibliographical sources:

Сарма-Соколовський Микола Олександрович, *Коріння пам'яті. Поезії*, Видавництво імені Олени Теліги, Київ 1997, 280 с.

Сарма-Соколовський Микола Олександрович, *Срібне перо соколиного лету: поезії*, Просвіта, Київ – Херсон 2009, 110 с. [в:] Просвіта Херсонщини <http://prosvilib.ipsys.net/books/sarma/pero/pero.htm> [доступ: 28.07.2015].

Secondary bibliographical sources:

Лісовий Василь Семенович, *Спогади. Поезії*, Смолоскип, Київ 2014, 664 с.

Мірошніченко Микола Миколайович, *При світлі страсного ліхтаря – слово про М. Сарму-Соколовського* [в:] Микола Сарма-Соколовський, *Коріння пам'яті. Поезії*, Видавництво імені Олени Теліги, Київ 1997, с. 5-12.

Овсієнко Василь Васильович, *Микола Сарма-Соколовський (30.04.2008)* [в:] Віртуальний музей “Дисидентський рух в Україні”, <http://archive.khpg.org/index.php?id=1209543453> [доступ: 22.07.2015].

Рижков Вадим, *Доля, що вмістила “всі болі ХХ століття”*, “День”, Київ, 2012, № 3 (13-14 січня), с. 10.

Салига Тарас Юрій, *Молимось, Боже єдиний...* [в:] *Слово благовісту: Антологія української релігійної поезії*, Тарас Юрій Салига (ред.), Світ, Львів 1999, с. 6-40.

Слово благовісту: Антологія української релігійної поезії, Тарас Юрій Салига (ред.), Світ, Львів 1999, сс. 784.

Смаль-Стоцький Степан Йосипович, *Тарас Шевченко. Інтерпретації*, Брама, Черкаси 2003, сс. 376.

Франко Іван Якович, *Духовна й церковна поезія на Сході й на Заході* [в:] Франко Іван Якович, *Зібрання творів: в 50 т.*, Т. 39, Наукова думка, Київ 1983, с. 126-143.

Чижевський Дмитро Іванович, *Нариси з історії філософії на Україні. Філософія Григорія Сковороди*, Смолоскип, Київ 2005, XXXVIII+402 с.

Bibliography transliterated from the Cyrillic Alphabet into the Latin Alphabet:

Primary bibliographical sources:

Sarma-Sokolovs'kij Mikola Oleksandrovič, *Korimâ pam'âti. Poezïi*, Vidavnictvo imeni Oleni Teligi, Kiïv 1997, ss. 280.

Sarma-Sokolovs'kij Mikola Oleksandrovič, *Sribne pero sokolinogo letu: poezïi*, Prosvita, Kiïv – Herson 2009, ss. 110 [v:] Prosvita Hersonšini, <http://prosvilib.ipsys.net/books/sarma/pero/pero.htm> [28.07.2015].

Secondary bibliographical sources:

Čiževs'kij Dmitro İvanovič, *Narisi z istoriï filosofii na Ukraïni. Filosofiâ Grigoriâ Skovorodi*, Smoloskip, Kiïv 1991, ss. XXXVIII + 402.

Franko İvan Âkovič, *Duhovna j cerkovna poezïâ na Shodi j na Zahodi* [v:] Franko İvan Âkovič, *Zibrannâ tvoriv*: v 50 t. T. 39, Naukova dumka, Kiïv 1983, s. 126-143.

Lisovij Vasil' Semenovič, *Spogadi. Poezïi*, Smoloskip, Kiïv 2014, ss. 664.

Mirošničenko Mikola Mikolajovič, *Pri svitli strasnogo lihtarâ – slovo pro M. Samu-Sokolovs'kogo* [v:] Sarma-Sokolovs'kij M., *Korimâ pam'âti. Poezïi*, Vidavnictvo imeni Oleni Teligi, Kiïv 1997, s. 5-12.

Ovsienko Vasil' Vasil'ovič, *Mikola Sarma-Sokolovs'kij* (30.04.2008) [v:] Virtual'nij muzej ‘Disidents'kij ruh v Ukraïni’, <http://archive.khpg.org/index.php?id=1209543453> [22.07.2015].

Rižkov Vadim, *Dolâ, šo vništala “vsi boli XX stolittâ”*, “Den”, Kiïv, 2012, № 3 (13-14.01), s. 10.

Saliga Taras Ūrij, *Molimos', Bože êdinij...* [v:] *Slovo Blagovistu: Antologiâ ukraïns'koï religijnoi poezïi*, Taras Ūrij Saliga (red.), Svit, L'viv 1999, s. 6-40.

Slovo Blagovistu: Antologiâ ukraïns'koï religijnoi poezïi, Taras Ūrij Saliga (red.), Svit, L'viv 1999, ss. 784.

Smal'-Stoc'kij Stepan Josipovič, *Taras Ševčenko. Interpretacïi*, Brama, Čerkasi 2003, ss. 376.

Information about the Author

Information about the Author in English:

Nadiya Georgijivna Koloshuk (Prof. Ph.D., D.Sci., Doctor of Philology, Professor) graduated from T. H. Shevchenko Kyiv State University in 1982 with a specialty in philology in the Russian language and Russian literature. She is employed at Lesya Ukrainka Eastern European National University in Lutsk, Ukraine as a professor in the Department of Literary Theory and Foreign Literature. She is an expert in literature as a Slavicist. Her dissertation, *The author's position in the modern prose about the village (based on the materials of the autobiographic works by V. Astafiev, M. Karim, M. Alekseiev*, was defended in 1991. Her doctoral dissertation, *Prison-camp Prose as a Literary Phenomenon of the 20th Century (on the Basis of Ukrainian, Russian, Belarusian and Polish Literature)* was defended in 2007 in T. H. Shevchenko Institute of Literature of The National Academy of Sciences of Ukraine in Kyiv. Her specialties were in Ukrainian and Slavic literature. She published two books and over 130 articles (without coauthors) in Ukraine, Russia, Belarus and Poland. In 2006, she published the monograph, *The Camp Prose in the Paradigm of Post Modernism* in Lutsk. In 2010, she published *Ivan Bahrianyi: The Dominants of Creative Work and the Problems of Study* in Lutsk. Her e-mail address is: [n_koloshuk\[at\]ukr.net](mailto:n_koloshuk[at]ukr.net)

Informacja o Autorce (po polsku) / Information about the Author in Polish:

Nadija Georgijivna Kolozuk, Nadiâ Georgiïvna Kološuk [Nadežda Georgievna Kološuk, Nadiya Georgijivna Koloshuk (Надія Георгіївна Колошук, Надежда Георгиевна Колошук)]. (Prof. Ph.D., D.Sci.), doktor habilitowany filologii, profesor, literaturoznawczyni, slawistka. Ukończyła

studia w Państwowym Uniwersytecie imienia Tarasa Szewczenki w Kijowie w 1982 roku, specjalność – filolog-rusycysta. Profesor Katedry Teorii Literatury i Literatury Obcej w Instytucie Filologii Wschodnioeuropejskiego Narodowego Uniwersytetu imienia Łesi Ukrainki w Łucku (Ukraina). Pracę kandydacką pt. *Pozycja autorska we współczesnej prozie o wsi (na podstawie autobiograficznych dzieł V. Astaf'eva, M. Karima, M. Aleksejeva)* obroniła w 1991 roku w Państwowym Uniwersytecie imienia Tarasa Szewczenki w Kijowie. Specjalność – «Literatura narodów ZSRR». Pracę doktorską na temat *Proza obozowa jako zjawisko literackie XX wieku (na podstawie ukraińskiej, rosyjskiej, białoruskiej i polskiej literatury)* obroniła w 2007 roku w Instytucie Literatury imienia Tarasa Szewczenki Narodowej Akademii Nauk Ukrainy (Kijów); specjalność: „literatura ukraińska” + „literatura narodów słowiańskich”. Opublikowała dwie książki i ponad 130 artykułów (bez współautorów) ogłoszonych na Ukrainie, Białorusi, w Rosji i Polsce. Autorka książek: *Proza obozowa w paradygmacie postmoderny. Monografia* (Łuck 2006); *Ivan Bahránij: Dominanty twórczości a problemy badawcze. Podręcznik* (Łuck 2010). Krag zainteresowań naukowych: historia literatury ukraińskiej i literatur słowiańskich XX wieku, literatura dokumentalna ([literatura faktu] czyli *non fiction*), komparatystyka literacka, studia postkolonialne, etnoimagologia. E-mail: n_koloshuk[at]jukr.net

Informace o autorovi (v češtině) / Information about the Author (in Czech):

Nadija Georgijevna Kološuková, Prof. Ph.D., D.Sci., docentka filologie, profesorka, literární vědkyně, slavistka. V r. 1982 vystudovala ruskou filologii na Státní univerzitě Tarase Ševčenko v Kyjevě. Je profesorkou Katedry teorie literatury a cizích literatur v Ústavu filologie Východoevropské národní univerzity Lesy Ukrajinky v Lucku na Ukrajině. V r. 1991 obhájila kandidátskou práci *Autorská pozice v současné próze o venkově (na základě autobiografických děl V. Asafjeva, M. Karina a M. Alexejeva)* na Státní univerzitě Tarase Ševčenko v Kyjevě ve specializaci Literatura národů SSSR. V r. 2007 obhájila doktorskou práci na téma *Próza s tematikou koncentračních táborů jako literární jev 20. století (na základě ukrajinské, ruské, běloruské a polské literatury)* v Ústavu literatury Tarase Ševčenko Národní akademie věd Ukrajiny v Kyjevě ve specializaci Ukrajinská literatura a literatura slovanských národů. Vydala dvě knihy a více než 130 článků (bez spoluautorů) na Ukrajině, v Bělorusku, v Ruské federaci a v Polsku. Je autorkou knih *Próza s tematikou koncentračních táborů v postmoderním paradigmatu, Monografie* (Luck 2006), *Ivan Bahránij: Dominanty tvorby a výzkumné problémy. Příručka* (Luck 2010). Oblasti vědeckého zájmu: dějiny ukrajinské literatury a slovanských literatur 20. století, dokumentární literatura (literatura faktu – *non fiction*), literární komparatistika, postkoloniální studia, etnoimagologie. E-mail: n_koloshuk[at]jukr.net

[český překlad: Libor Martinek]

Informácie o autorke (v slovenčine) / Information about the Author (in Slovak):

Nadija Georgijevna Kološuková, Prof. Ph.D., D.Sci., docentka filológie, profesorka, literárna vedkyňa, slavistka. V r. 1982 ukončila štúdium ruskej filológie na Štátnej univerzite Tarasa Ševčenko v Kyjeve. Je profesorkou Katedry teórie literatúry a cudzích literatúr v Ústave filológie Východoeurópskej národnej univerzity Lesy Ukrajinky v Lucku (Ukrajina). V r. 1991 obhájila dizertačnú prácu *Autorská pozícia v súčasnej próze o dedine (na základe autobiografických diel V. Asafjeva, M. Karina a M. Alexejeva)* na Štátnej univerzite Tarasa Ševčenko v Kyjeve v špecializácii Literatúra národov ZSSR. V r. 2007 obhájila doktorskú prácu na tému *Próza s tematikou koncentračných táborov ako literárny jav 20. storočia (na základe ukrajinskej, ruskej, bieloruskej a poľskej literatúry)* v Ústave literatúry Tarasa Ševčenko Národnej akadémie vied Ukrajiny (Kyjev) v špecializácii Ukrajinská literatúra a literatúra slovanských národov. Vydala dve knihy a viac ako 130 článkov (bez spoluautorov) na Ukrajine, v Bielorusku, v Ruskej federácii a v Poľsku. Je autorkou kníh *Próza s tematikou koncentračných táborov v paradigme postmoderny. Monografia* (Luck 2006), *Ivan Bahránij: Dominanty tvorby a výskumné problémy. Príručka* (Luck 2010). Oblasti vedeckého zájmu: dejiny ukrajinskej

literatúry a slovanských literatúr 20. storočia, dokumentárna literatúra (literatúra faktu, t. j. *non fiction*), literárna komparatistika, postkoloniálne štúdiá, etnoimanológia. E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

[slovenský preklad: Ivica Hajdučeková]

Информация об авторе (по-русски) / Information about the Author (in Russian):

Надежда Георгиевна Колошук, доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и зарубежной литературы Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки, город Луцк, Украина. Закончила филологический факультет Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко в 1982 году; специальность – филолог-русист («филолог, преподаватель русского языка и литературы»). Кандидатская диссертация на тему «*Авторская позиция в современной прозе о деревне (на материале автобиографических произведений В. Астафьева, М. Карима, М. Алексеева)*»; защита состоялась в 1991 году в Киевском государственном университете имени Т. Г. Шевченко. Специальность – «Литература народов СССР». Докторскую диссертацию на тему «*Лагерная проза как литературный феномен XX века (на материале украинской, русской, белорусской и польской литературы)*» защитила в 2007 году в Институте литературы имени Т. Г. Шевченко Национальной академии наук Украины (Киев). Специальность – «украинская литература» + «литература славянских народов». Опубликовала две книги и свыше 130 статей (без соавторов) в Украине, России, Беларуси, Польше. Книги: *Табірна проза в парадигмі постмодерну: Монографія* (Луцьк 2006); *Іван Багряний: домінанти творчості та проблеми вивчення: посібник* (Луцьк 2010). Научная специализация: литературовед, славист. Научные интересы: история украинской и славянских литератур XX века, документальная / нефикционная литература, сравнительное литературоведение, постколониальные студии, этноиманология. E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

Інформація про автора / Довідка про автора (українською мовою) / Information about the Author (in Ukrainian):

Надія Георгіївна Колошук, доктор філологічних наук, професор кафедри теорії літератури та зарубіжної літератури Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки, місто Луцьк, Україна. Закінчила філологічний факультет Київського державного університету імені Т. Г. Шевченка в 1982 році, спеціальність – філолог-русист («філолог, викладач російської мови і літератури»). Кандидатську дисертацію на тему «*Авторська позиція в сучасній прозі про село (на матеріалі автобіографічних творів В. Астаф'єва, М. Каріма, М. Алексєєва)*» захистила 1991 року в Київському державному університеті імені Т. Г. Шевченка. Спеціальність – «Література народів СРСР». Докторську дисертацію на тему «*Табірна проза як літературний феномен XX століття (на матеріалі української, російської, білоруської і польської літератури)*» захистила у 2007 році в Інституті літератури імені Т. Г. Шевченка Національної академії наук України (Київ). Спеціальність – «українська література» + «література слов'янських народів». Опублікувала дві книги і понад 130 наукових статей (без співавторів) статей в Україні, Росії, Білорусі, Польщі. Книги: *Табірна проза в парадигмі постмодерну: Монографія* (Луцьк 2006); *Іван Багряний: домінанти творчості та проблеми вивчення: посібник* (Луцьк 2010). Наукова спеціалізація: літературознавець, славист. Наукові інтереси: історія української та слов'янських літератур XX століття, документальна / нефікційна література, порівняльне літературознавство, постколониальні студії, етноіманологія. E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

Звесткі пра аўтара (па-беларуску) /

Information about the Author (in Belarusian):

Надзея Георгіеўна Калашук, доктар філалагічных навук, прафесар кафедры тэорыі літаратуры і замежнай літаратуры Усходнеўрапейскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Лесі Українкі, горад Луцк, Украіна. Скончыла філалагічны факультэт Кіеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Т. Г. Шаўчэнкі ў 1982 году; спецыяльнасць — філолаг-русіст (“філолаг, выкладчык рускай мовы і літаратуры”). Кандыдацкая дысертацыя па тэме “Аўтарская пазіцыя ў сучаснай прозе пра вёску (на матэрыяле аўтабіяграфічных твораў У. Астаф’ева, М. Карыма, М. Аляксеева)”; абарона адбылася ў 1991 годзе ў Кіеўскім дзяржаўным універсітэце імя Т. Г. Шаўчэнкі. Спецыяльнасць — “Літаратура народаў СССР”. Доктарскую дысертацыю па тэме “Лагерная проза як літаратурны феномен XX стагоддзя (на матэрыяле ўкраінскай, рускай, беларускай і польскай літаратур)” абараніла ў 2007 годзе ў Інстытуце літаратуры імя Т. Г. Шаўчэнкі Нацыянальнай акадэміі навук Украіны (Кіеў). Спецыяльнасць — “ўкраінская літаратура” + “літаратура славянскіх народаў”. Апублікавала дзве кнігі і звыш 130 артыкулаў (без суаўтараў) ва Украіне, Расіі, Беларусі, Польшчы. Кнігі: *Лагерная проза ў парадыгме постмадэрну: Манасграфія* (Луцк 2006); *Іван Багряный: дамінанты творчасці і праблемы вывучэння: дапаможнік* (Луцк 2010). Навуковая спецыялізацыя: літаратуразнавец, славіст. Навуковыя інтарэсы: гісторыя ўкраінскай і славянскіх літаратур XX стагоддзя, дакументальная /літаратура факту, параўнальнае літаратуразнаўства, посткаланіяльныя даследаванні, этнаімагалогія.

[Przekład białoruski /Тлумачэнне на беларускую мову: Eugeniusz Pańkow i Olga Pańkowa]